

ПЕСНЯ СКИТАЛЬЦА ЭНГУСА

Перевод с английского Григория Кружкова

Я вышел в темный лес ночной,
Чтоб лоб горящий остудить,
Орешниковый срезал прут,
Содрал кору, приладил нить.
И в час, когда светлела мгла
И гасли звезды-мотыльки,
Я серебристую форель
Поймал на быстрине реки.

Я положил ее на пол
И отошел раздуть очаг,
Но шорох вдруг прошелестел,
Негромкий оклик, легкий шаг.
Предстала дева предо мной,
Светясь, как яблоневый цвет,
Окликнула – и скрылась прочь,
В прозрачный канула рассвет.

¹Новые переводы и новые варианты.

Пуcкай я стар, пуcкай устал
От косогоров и холмов,
Но чтоб ее поцеловать,
Я снова мир пройти готов,
И травы мять, и с неба рвать,
Плоды земные разлюбив,
Серебряный налив луны
И солнца золотой налив.

ШУТОВСКОЙ КОЛПАК

Бедный шут влюбился в королеву,
И когда в саду умолкли птицы,
Он велел душе своей подняться,
К ней на подоконник опуститься.

И душа послушная взлетела
В голубой трепещущей одежде,
И у окон королевы пела,
Обмирая в сладостной надежде.

Но она не захотела слушать,
И когда в лесу кричали совы,
Наглухо окошко затворила,
Накрепко задвинула засовы.

Он послал к ней сердце на рассвете,
В тишину ее и нежность веря,
В одеянье трепетном и алом
Сердце к ней зывало из-за двери.

Но она не захотела слышать,
Лишь нахмурилась, поправив прядку,
И прогнала веером от двери
Сердце, размечтавшееся сладко.

— У меня есть шапка с бубенцами,
Я пошлю ей шапку шутовскую —
То последнее, что я имею, —
И умру, страдая и тоскуя.

Королева шапку шутовскую
На руки взяла, к груди прижала,
Волосами, как шатром, укрыла,
Ласковые речи нашептала.

Дверь и окна настежь растворила,
И впустила душу с сердцем страстным,
Слева голубая к ней прильнула,
Справа — вся трепещущая, в красном.

И она их нежно обнимала,
Что-то напевая им обоим,
И сиренью волосы дышали,
И от платья веяло покоем.

БЕЗ УТЕШЕНИЯ

Та, что всегда добра, сказала мне:
«Твоей любимой пряди в седине,
И все видней морщинки возле глаз.
Пора уже остыть; приходит час,
Когда тебе пристало быть мудрей.
Смирись!»

Но сердце отвечало ей:

«Смириться? Нет! Бессильны времена —
С годами лишь прекраснее она;
Та страсть и благородство, что сквозят
В любом движении, поражают взгляд,
Как молнии внезапный блеск в ночи;
Такой в ней силы не было, когда
Она цвела, свежа и молода...»

О сердце! ты безумно, замолчи!
Она лишь бросит взор — и ты поймешь
Любых надежд и утешений ложь.

НА СКАЧКАХ В ГОЛУЭ

Пыль, топот, пот, жокеи, кони,
Одно из сотен глоток — Ах! —
Азарт борьбы, азарт погони
Во всех сердцах, во всех глазах.
Когда-то и за нас болели
Когда, наездникам под стать,
Балладники, мы мчались к цели,
Рискуя голову сломать,

И слушатели обмирали...
Но новая взойдет луна,
Настанут дни, каких не ждали,
И обновятся времена.
И прежней славой не померкнув,
Читателей мы обретем
Не между торгашей и клерков,
А среди скачущих верхом.

СОЛОМОН И КОЛДУНЯ

Слова прекрасной Аравийки:
«Вчера, под яркою луной,
В саду, где Соломон великий
На ложе трав возлег со мной,
Какой-то крик, чужой и дикий,
Сорвался с губ моих...»

И тот,
Кто всяких тварей знал языки —
Кто воет, лает, блеет, ржет,
Ответил так:

«Прокукарекал
Петух, что пел всего лишь раз
От сотворенья человека;
Он промолчал бы и сейчас,
Когда б ему не показалось,
Что вдруг совпали Бред и Быль:
То, что свершилось и мечталось,
И гнусный мир исчез, как пыль.
Призвавший вечность хриплым ором,
Он ей решил пропеть отбой;
Хотя любовь паучьим взором
Всегда найдет предлог любой

Для мук — но, как себя ни мучай,
Бесцельна эта канитель,
Не совпадут мечта и случай,
Хоть режь; и брачная постель
Родит лишь новые страдания.
Но коль сойдутся Бред и Быль,
Два существа в одном сиянье
Смешав, как масло и фитиль,
Тогда сгорят земля и небо
И завершится круг времен, —
Когда к своей прекрасной Шебе
Прильнет влюбленный Соломон».

«Но мир стоит».

«Возможно, что-то

Ввело в сомненье петушка;
Пропеть была ему охота,
Но не созрел еще пока
Момент — иль промелькнул он скоро».

«Вновь ночь ложится; тишина
В священной роще; сикомора
Не шелохнется; и луна
Сияет, как огонь раздутый,
Так, что и звезд не разобрать, —
Безумней с каждой минутой.
О царь! Попробуем опять».

НОВЫЕ ЛИЦА

Коль первой смерть вам суждена судьбою,
Мой старый друг, я не ступлю опять
В тот сад, где мы придумали такое,

Что Время может зубы обломать.
Пусть в прежних залах — новые затеи
И толпы незнакомых лиц чужих;
Но наши тени бродят по аллее,
Как встарь; живые призрачнее их.

СВЕРСТНИКИ

Я не от старости охрип
И голос надсадил,
Нет, это я смеялся так,
Что выбился из сил.
Когда луна, как в кружке эль,
Мерцает в небесах,
Идет-бредет старуха Мэдж
С репьями в волосах.
Она несет в руках чурбак,
Закутанный в тряпье,
И стонет: «Баюшки-баю,
Сокровище мое!»

Когда безмозглый старый Джек,
Что был делягой встарь,
На пень залазит и орет,
Мол, я — Павлиний Царь, —
Смеясь до колотья в боку,
Ухохотавшись весь,
Я знаю, в ней поет любовь,
А в нем кричит лишь спесь.

I

Июльский вечер, Лиссадель,
Распахнутое в сад окно,
Две девы в пестрых кимоно,
Одна похожа на газель.
Но ветры осени сорвут
Листвы багрово-рыжий цвет,
Одну из них приговорят
К расстрелу, но отменят смерть,
Помилуют, и много лет
Ей суждено прожить одной,
Химерой теща темный люд.
Другая — как она тогда
Была, задумавшись, мила!
О чем она мечтать могла —
О царстве, где владыкой труд?
Под старость высохла она,
Как этот светлый идеал...
Не раз я с той поры мечтал
Увидеться, поговорить,
Воспоминаньем оживить
Тот дом, то утро, то окно,
Невинный щебет, юный хмель,
Двух дев в широких кимоно,
Одна из них — точь-в-точь газель.

II

Теперь вы там, где знают всё —
О тщетности земной мечты,
Земной борьбы добра со злом.

Для юности и красоты
Лишь время — настоящий враг.
Пусть чиркну спичкой я — вот так,
Чтоб время вспыхнуло, как стог,
Спалив наш золотой чертог
Высоких дум... В какой вине
Себя должны мы упрекнуть?
О призраки! Велите мне
Вновь чиркнуть спичкой — и задуть.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА

Сперва боролся с телом дух —
С карачек встав, пошел на двух.

Потом он с сердцем воевал —
Невинность сердца потерял.

Потом он с мыслью в спор вступил —
Про сердце страстное забыл.

Решил он Бога побороть —
Всё погубил: и дух, и плоть.

ПАЛОМНИК НА СВЯТОМ ОЗЕРЕ

Я на воде и на бобах пятнадцать дней постился
За то, я любил девах и с ними веселился —
Девах в лохмотьях и шелках; но, черт возьми, что толку
От их тирьям и тра-ляля, лохмотьев или шелку?
— *Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

Отправился я на Лох-Дерг, и стоя на коленях,
Предался покаянью там в неистовых молениях;
Со мною рядом старичок поклоны клал до ночи,
Прислушался я невзначай, а он одно бормочет:
— *Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

Для человекав этот грех — как для огня солома,
И матерям не устеречь своих сыночков дома;
Они в Чистилище горят в стенаньях и в печали,
Я спрашивал их, как дела, и так мне отвечали:
— *Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

Когда я в лодке плыл назад, устав весь день молиться,
Вдруг появилась над кормой чудовищная птица,
Крылами хлопала она и яростно глядела;
И что мог лодочник сказать, узрев такое дело?
— *Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

Я снова в кабаке сижусь, хмельён и грешен плотью,
Идите, дурочки, сюда — в шелках или в лохмотьях;
Я сто очков даю вперед любому обалдую,
Любую девку отобью, как только им спою я:
— *Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*